

ПРОЛОГ

Обычно спокойный, правитель горных эльфов тем вечером не мог найти себе места. В голове то и дело всплывали лица, которые он старался не вспоминать, и слова, что желал никогда боле не слышать, а еще лучше — никогда не произносить. Так много лет они тяжестью лежали на сердце, что оно прекратило болеть — лишь гулко билось и ныло, напоминая о себе в ночной тиши.

Ноги сами принесли его к пещере, что прочие обходили стороной. Тысячелетние горы промерзли до основания, и от одного взгляда на них пробивала дрожь, но холод был не страшен тому, чьи глаза были зоркими и чистыми — светлее самого чистого льда.

В пещере было сухо. Темно-серый дракон, свернувшись клубком, безмятежно спал. Воздух шумно входил в огромные ноздри и так же шумно из них выходил, а покрытая толстыми пластинами грудь плавно вздымалась. Животное наверняка узнало его — по запаху ли, по звуку шагов, по стуку посоха, что везде сопровождал аирати, — и лишь капризно поерзало, пытаясь устроить-

ся на каменном полу. Правителю бояться шквала огня не стоило, однако тайне он сомневался, имеет ли над драконом истинную власть, и оттого вздрогнул, когда тот пошевелился.

Обойдя преданного хранителя вверенного ему сокровища, аирати замер на узкой дорожке — хвост животного преграждал ему путь, и это было к лучшему. Иногда он желал надеть проклятую корону: упиться своей болью, понести наказание за ошибки, услышать крики жены, лишь бы вспомнить звук ее голоса. Но затем, отбросив эмоции, эльфийский король понимал: он поступил правильно. Он не мог позволить своему дитя пострадать от того, что было суждено этому миру. Пророчество — дар Богини, а Мать Природа не лжет. И он сделал все, чтобы увиденное им не сбылось.

— Пришел ответ с Кристальных скал. — Голос прозвучал неожиданно; Рингелан совсем забыл, что приказал Эйену найти его, как только появятся новости. — Они согласны помочь.

— И чего же они хотят взамен?

— Ничего.

Рингелан недоверчиво хмыкнул — он был убежден, что бескорыстием прикрывались лишь самые безнравственные мерзавцы. Впрочем, те, с кем он вел переговоры, и не славились кротким нравом.

Аирати бросил последний взгляд на украшенную изумрудами корону, и камни печально блеснули, поймав свет редких в тот день лучей солнца.

Эйен нерешительно переступал с ноги на ногу. Подобное жесткому старейшине было несвойственно — он никогда не стеснялся в выражениях и не отступал перед трудностями.

— Как мне кажется, их интересуется нечто... отличное от того, что вы предлагали ранее. — Эльфийский правитель и его ближайший соратник спускались по узкой

дорожке, ведущей к дворцу аирати. Из кустов изредка слышались шорохи, и между листьями мелькали морды волков, что повсюду сопровождали своих хозяев. — Они ищут вашей дружбы.

— Не знал, что ты можешь быть так наивен. — Уголки губ аирати едва заметно приподнялись. — Всадникам не нужны друзья. У них есть драконы.

Казалось, Эйен ожидал от своего короля иной, более бурной реакции.

— Их предводитель... говорят, он делит с вами одно горе. Его жена и дитя...

Рингелан вздохнул, вынуждая старейшину остановиться. Эйен нечасто пытался обсудить с аирати что-то личное, а потому выходило у него скверно, и желание бросить затею с каждым мгновением становилось все нестерпимее.

— Жажду отмщения невозможно утолить, Эйен. Они могут верить, что их помыслы чисты, и помочь нам, но затем, оставшись неудовлетворенными, все равно назовут свою цену. И мы можем оказаться к ней не готовы.

— Да, пожалуй, я был наивен. Прощу простить.

— Добейся от них четкого ответа. Помощь Всадников нам необходима.

Старейшина кивнул и ускорил шаг, желая как можно скорее скрыться с глаз, как он думал, разочарованного в нем короля. Мысли Рингелана, однако, так и не покинули пещеру, в которой древний дракон тихо посапывал, своим телом ограждая символ торжества людей над добром и открытостью эльфийской души. Злосчастный кусок металла, сумевший расколоть как отдельные семьи, так и целый народ.

Устало потирая глаза, аирати тихо прошептал:

— Если мы не победим, выходит, я зря ее прогнал.

ГЛАВА 1

После объявления, прозвучавшего с башни Заката, над замком нависло черное облако скорби. Знать заперлась в своих комнатах, оплакивая почившего короля. Впрочем, как говорили слуги — а Лэсси непременно делилась со мной каждым слухом, что казался ей хоть сколько-нибудь интересным, — придворные боялись за собственную жизнь. И свободу. Ведь даже если их непричастность к гибели правителя была очевидна, а сами они провели ночь в запретных объятиях где-нибудь на окраине Греи, горе королевской семьи могло утянуть их в свою пучину.

Людей, чьи сердца кровоточили от свежей раны, никто не винил. Осуждали и обсуждали — бесспорно, — но в мире людей, где смерть впервые касается души очень рано, а затем терзает ее непростительно часто вплоть до старости, в этом не было ничего необычного. Эльфы понимали смерть несколько... иначе. Мы встречались с ней редко, готовились к ней долго и размеренно, а провожали со слезами и почестями. Люди прощались с род-

ной душой навсегда — мы начинали ждать, когда встретимся с ней вновь.

Расположившись в покоях капитана Фалхолта, куда периодически заходили и прочие гости, решившиеся выбраться из своих нор, мы сидели, уставившись на пламя свечей. Ариадна нервно прикусывала нижнюю губу, то и дело тяжело вздыхая, а когда разодрала ее до крови — потянула руку ко рту.

— Помнишь, как в детстве я отучал тебя грызть ногти? — спросил Кидо, перехватывая ее пальцы.

Ариадна скривилась и содрогнулась всем телом, пряча руки за спину. Капитан хмыкнул, словно знал, что напоминание о тех временах сработает безотказно, и я с грустью подумал, что мало знал об их совместном прошлом. Бэтиель говорила, что каждая девочка мечтала о старшем брате: таком, что защищал бы ее, вытаскивал из передраг и влюблял в себя всех ее подруг — дело было в детстве, и последний пункт Бэт выделила как особенно важный. Полагаю, для Ариадны это было не мечтой, а реальностью; я не верил, что на свете существовал человек, которому Кидо не сумел бы понравиться.

Не выдержав выжидающего взгляда брата, Ариадна поднялась с места и начала медленно расхаживать по комнате.

— Я понимаю, что это она. *Знаю*, что это она. Но все же... — лисица замялась, подбирая слова. — Богиня, мы же выросли вместе! Он воспитывал нас, когда-то даже в лоб целовал на ночь. Да, скажем честно, всего пару раз, но... он был нам отцом. Как она... могла это сделать?

— Думаешь, если на кону власть, ее может остановить такая мелочь, как кровные узы?

Грусть Ариадны каждые десять минут сменял гнев — а затем они вновь менялись местами. Иначе она не могла справиться с бурей эмоций, не выпадая из реальности, — то сетовала на злой рок, то поражалась бесчестности стар-

шей сестры, непременно приправляя реплики проклятиями. Так или иначе, она справлялась — своим, особенным способом. В отличие от капитана.

Король совсем недавно стал ему настоящим отцом, отчего потеря ощущалась ярче, а дыра в душе казалась глубже. Глядя на дрожащие губы и покрасневшие глаза Кидо, я терялся. Будь на его месте Индис, я бы потрепал его по голове, крепко обнял, рассказал бы похабную шутку или прочел нудную лекцию о том, как важно жить дальше — иначе говоря, сделал бы все, что он любит и ненавидит, лишь бы привести его в чувство. Позволить подобное по отношению к капитану я не мог; мы, очевидно, сблизились, но он все еще был главой королевской стражи, а я — странником, заглянувшим в Грею лишь потому, что там намечался праздник. Точнее, не был им, но все же.

Я поднялся со стула, на котором в молчании провел последние полчаса, и сделал два неуверенных шага к двери.

— Думаю, мне лучше уйти.

— Остайся, — хором ответили брат и сестра.

Изумленный неожиданной уверенностью в их голосах, я застыл на месте; они удивились не меньше.

— Ты доверяешь ему? — обратилась к капитану Ариадна. — Я тут столько наговорила, теперь стыдно даже, что не обсудила с тобой, когда лучше держать рот на замке. Добавила проблем. Конечно, нам же их не хватает! Богиня, да почему же я не затыкаюсь?...

— Да, — коротко ответил Кидо. — Доверяю.

Тишина.

— Не спросишь меня о том же?

— В этом нет нужды, — пожал плечами капитан, глядя в пол. — Ты любишь его, значит, вопрос о доверии не стоит.

Ариадна гулко сглотнула, и глаза ее расширились. Я вновь обратил внимание на их сходство; они оба взяли лучшее от отца. Выразительные глаза, темные волны волос. Я ведь заметил это еще в первую встречу; возможно,

поэтому, совсем не зная, чего ожидать, с такой теплотой отнесся к капитану — разглядел в нем любимые черты. Однако их сходство с лисицей было не только внешним.

Ариадна бросила на меня взволнованный взгляд, будто умоляя придумать отговорку, возразить, прикрыться своей легендой. Я хотел отыскать слова, но все они казались глупыми и бессмысленными — ничто из того, что я мог произнести, не заставило бы капитана отказаться от своих слов. Он не предполагал. Утверждал — хотя мы с Ариадной никогда друг другу подобного не говорили. По крайней мере вслух.

— Мне не нужно знать деталей, — по-доброму усмехнулся Кидо. — Того, что я знаю, достаточно. Расскажите как-нибудь потом, когда у нас будет время обсудить это в таверне за пинтой эля.

Ариадна стремительно приблизилась к брату и упала в его объятия; он чуть вытянул шею, чтобы устроить подбородок на ее макушке. Мозолистая рука медленно поглаживала спадающие по спине младшей принцессы волосы, будто бы успокаивая ее, но Ариадна не проронила ни слезы — лишь сбивчиво дышала. Кидо отодвинул сестру от себя и взглянул ей в глаза.

— Выходит, ты уверена, что это дело рук Минервы?

Ариадна кивнула.

— Жаль, что мой ответ таков же.

— Расследование поручено тебе? — обратился я к капитану, пока тот раздвигал кипы бумаг и усаживался на стол, который по какой-то причине всегда предпочитал стульям.

— Да. Ею лично.

— Любопытно, как далеко Минерва позволит ему продвинуться.

Чуть позже мы поняли, каков был ответ, — ни на шаг. Она заваливала капитана различного рода поручениями, не имеющими никакого отношения к смерти короля, буд-

то пытаюсь отослать его подальше от зала совета и всех его членов. Никто, кроме нас, не смел и думать, что старшая принцесса имела отношение к смерти собственного отца. Кроме нас троих и королевы Ровены.

Она несколько дней не покидала тело короля. «Разбита и уничтожена» — так Ариадна описывала ее состояние. Любовь к Эварду не была частью образа или игрой, призванной скрыть брак по расчету, — она была чистой и самозабвенной. Подозревать падчерицу ей казалось постыдным: она растила ее как собственную дочь, хоть принцесса и не принимала ту заботу, что Ровена могла и хотела ей дать. Постыдным, и все же в ее сердце с каждым днем крепла уверенность, что Минерва замешана в преждевременной кончине ее горячо любимого мужа.

Ровена писала письма отцу, что многие десятилетия не покидал пост правителя Драрента, в надежде на его реакцию. Я не совсем понимал, какой именно помощи она ждала — с расследованием, с поддержанием порядка в Грее, с ее личными вопросами, — но многочисленные гонцы так и не принесли ни единого ответа. Вероятно, потому, что она желала получить его немедленно и забывала, сколько времени требуется на дорогу до Драрента и обратно. Бессердечно было упрекать ее в этой ошибке; захлестнутая горем, как волной взбушевавшегося Сапфирового океана, она едва ли могла трезво оценивать хоть что-то.

Ариадна пыталась добиться от сестры и короля Дамиана переноса свадьбы, чтобы траур по ее отцу прошел как полагалось, но единогласным решением они отказались идти на такие траты. Праздник откладывать было нельзя, ведь гости, чьи многочисленные рты приходилось кормить, давно были расселены по комнатам, а корабли и повозки подготовлены к их отбытию в ближайшие дни после торжества. Королевство держалось лишь на мысли о предстоящем браке — как эмоционально, не позволяя себе проваливаться в бездну скорби, так и финансово,

подпитываясь золотом островного короля, — и все же отдельные лица, мелькающие в коридорах, полнились тойской по ушедшему правителю.

— Хант совсем не появляется, — сказала лисица негромко, оглядывая тренировочный зал. Мечи гвардейцев сталкивались, наполняя воздух симфонией металла.

— Я пару раз видел его с отцом, — задумчиво протянул я, прежде считавший, что честь как можно реже видеть его лицо выпала лишь мне. — И прочими островитянами.

— Мне же лучше.

— Он не приходит даже к тебе?

— К счастью.

— Надеюсь, что к счастью, — насторожился я. — Это странно.

— Ты тоже странный, — ухмыльнулась она, нападая. Я легко ушел от предсказуемой атаки. — Хочешь видеть его в моих покоях почаще?

Кидо присвистнул. Последние несколько минут он пристально наблюдал за нашим боем. Я бросил на капитана многозначительный взгляд, но тот не смутился:

— Не могу назвать себя его поклонником.

Уловив момент для атаки, я еле сдержался, чтобы не прижать принцессу спиной к песку. Остановившись вместо этого в миллиметре от ее лица, я опустил меч и показательно поклонился, выражая благодарность за честь тренироваться с ее высочеством. Ариадна разочарованно фыркнула и, бросив тренировочный меч прямо в руки капитана, двинулась к выходу из зала. Кидо расхохотался. Я ощутил себя дома: будто я вновь дитя, окруженное друзьями — Индисом и Бэтиель, — и беззаботно дурачусь, распахнув двери своей души.

На мгновение я позабыл обо всех бедах.

Некоторые ночи я стал снова посвящать сну — уставал сильнее прежнего. Сон был, скорее, ритуалом для отдыха разума, нежели способом восполнить силы, но за пару часов до рассвета я все же оказывался в кровати.

Загадочный голос, впервые коснувшийся моего слуха на поляне у Дворца Жизни, стал в моей голове частым гостем. «Аарон, — звал он без конца. — Аарон». Я вспоминал, что Маэрэльд рассказывала мне об Аароне: древнеэльфийский король, чья страшная смерть от, вероятно, людских рук по-прежнему вселяла страх в сердца моего народа. Пытался представить, как именно люди могли настолько очернить образ светлого короля, что его имя навсегда покинуло наши края, но так и не придумал подходящего варианта.

Вернулась в мои сны и Минерва, но не как прежде — лишь мимолетной вспышкой на заднем плане. Ее власть, очевидно, набирала силу: как среди знати, так и внутри нее самой — я почти ощущал вибрирующий вокруг Минервы воздух, наполненный неведомой мне энергией, — но я перестал быть для нее целью. Эту забаву она оставила — если не насовсем, то лишь до момента, пока скука вновь не поглотит ее и ей не захочется отобрать у сестры то, чего за все годы так и не появилось у нее.

Писк, едва не сделавший меня добычей голодного кабана, тоже вернулся. Иногда он звучал беспорядочно, но порой его перезвоны обретали форму знакомого имени. «Аарон». Азаани говорила, что это переводится как «хранитель порядка». С момента появления в замке и до смерти короля я слышал его лишь однажды — в саду, когда встретил Минерву в одном ночном платье, — но теперь оно преследовало меня каждую ночь. Хранитель бы сейчас не помешал: порядок в Грее, безусловно, был нарушен.

Капитан Фалхолт искренне пытался это исправить: выполнял бесконечные поручения старшей принцессы, остатки времени тратя на расследование убийства

короля, отчего порой забывал о сне и еде. Мы с Ариадной пытались отыскать его, чтобы узнать, как идут дела, но шли дни, и поймать Кидо становилось лишь сложнее: он не появлялся ни на приемах, ни на советах, ни на обедах и ужинах. В какой-то момент мне показалось, будто он и вовсе исчез из замка — по своей воле или воле новой правительницы, — но тем же вечером я нашел его задумчиво стоящим у камина.

— Кого-то ждешь? — спросил я, облокотившись на каминную полку так, чтобы видеть лицо капитана.

— Того, кто придет.

— Если ты о Лэндоне, то я видел его совсем недавно. — Я задумался, вспоминая обстоятельства нашей встречи: мы обменялись мимолетными приветствиями, когда я возвращался из конюшни. — Кажется, я видел, как он направлялся к оружейнику.

— Забудь. — Кидо не глядя похлопал меня по плечу. — Боюсь, с Хюн Ки нас отныне мало что связывает.

Я невольно нахмурился.

— Мы верны разным наследницам престола.

Кидо поднял на меня усталые глаза, испещренные тонкими красными молниями. От разглядывания документов в темноте и тяжелых раздумий на лбу капитана проступили морщины — на молодой загорелой коже они смотрелись нелепо, но добавляли пресловутой солидности. И делали его больше похожим на того, кто занимает столь серьезный пост.

— Как давно ты спал?

— Не знаю, — пожал плечами он. — Сегодня чуть не уснул в темнице, пока допрашивал подозреваемого.

— Подозреваемого?

Кидо огляделся и молча указал рукой на дверь в свои покои. Войдя, он сразу же направился к постели; пыль с покрывала взмыла в воздух, приветствуя почти забытого хозяина.

— Магистр Рагна и советник, оказывается, тоже не сидели без дела, — зевнул он. — Мы получили наводку на старика с кухни. Все там твердят, что видели, как он чем-то капнул на тарелку короля и затем сбежал.

— Они уверены, что это был яд?

— Они уверены во всем, что их заставят сказать под страхом смерти или тяжестью монет.

Я упал в кресло. Дыхание капитана становилось размеренным и ровным, а слова превращались в неясное бормотание; сон цепкими лапами хватал его, пытаясь утащить в свое царство. Я открыл рот, чтобы спросить, как мне найти пленника, но тут же услышал сопение Кидо. Позвав служанку, чтобы та раздела капитана — сон в доспехах вряд ли принесет ему долгожданный отдых, — я отправился искать пленника самостоятельно.

Разумеется, он находился в темнице, что, как паучья сеть, простиралась по подземельям замка. Но где именно? Я не бывал в тюрьмах прежде. Пустят ли меня туда, если я прикроюсь праздным интересом и ненавистью к завистливому старику, погубившему великого короля?

Вход никто не охранял. Пахло сыростью и ее близкой подругой — плесенью, — что так хорошо уживались вместе. Из открывшейся двери потянуло холодом, и я невольно поежился. Пройдя три поворота, я наконец набрел на первый освещенный участок; тело будто само поспешило к факелам, уже успев истоскаться по теплу.

— Господин, — прогремел голос дремлющего на хлипком стуле стражника. Он вскочил, устремив пику в потолок и оглушительно звякнув доспехами. — По какому делу?

— Я слышал, вы схватили отравителя короля, — заискивающе прошептал я. — Разрешите взглянуть?

— С какой целью?

Проклятые вопросы.

— Как благодарный гость короны, — слегка поклонился я, — я бы хотел взглянуть в глаза того, кто лишил

Грею справедливейшего из правителей, и убедиться, что его грязные руки не доберутся боле ни до одного честного человека. Разве такие люди не заслуживают общественного порицания?

— Еще какого! — захохотал стражник, слегка покраснев. Мои речи порой и меня вгоняли в краску; правда, по другим причинам. — Вас проводить?

— Полагаю, справлюсь сам.

— В конце коридора, — указал он на проход к длинной череде железных клеток. — В самом конце, чтобы, даже если захочет сбежать, по пути переломал ноги.

Я учтиво кивнул и снял со стены один из факелов; по замерзшей руке прокатилась волна приятного тепла. Земля была ухабистой, с торчащими из нее корягами и камнями; без толстой подошвы и должного внимания бежать по ней действительно опасно. Коридор был узким, так, чтобы, стоя в середине, стражник без усилий мог дотянуться до камер как по правую, так и по левую сторону. Все клетки до единой были заняты, некоторые — заполнены сверх меры.

Живя рядом с Греей и в самом ее сердце, я нечасто слышал о разбойниках, ворах и хулиганах, но сейчас на меня умоляюще смотрели десятки лиц, тянущихся к теплomu свету огня. Кто-то из них давно ждал приговора: кожа поражена проказой, от одежды остались жалкие лохмотья, просвечивали кости, демонстрируя последствия постоянного голода и жажды. Кто-то еще не освоился и под неодобрительные взгляды старожиллов пытался запугать абсолютно безразличных стражников своими связями во дворце. Надзирателей было недостаточно, чтобы обращать внимание на беспорядки, устраиваемые заключенными, и потому они попросту закрывали на все глаза, занятые разговорами друг с другом, игрой в кости или дневным сном.

У камеры убийцы короля было пусто; даже к такому важному заключенному не проявляли никакого интереса.

Впрочем, его незачем было охранять. Произнеся слово «старик», капитан ни капли не преувеличил; казалось, пленник еле находил силы, чтобы передвигаться, а если и совершал движение, то сопровождал его громким кряхтением.

— И чем же ты занимался на кухне? — вырвалось у меня.

— Тестом, — ответил он, ничуть не удивившись. — Пек пироги для всех детей Эдды и Эдвульфа!

Он произнес это с гордостью, будто был единственным, кто остался в замке с тех пор. Имена родителей короля Эвеарда впервые коснулись моих ушей, хотя я и видел многочисленные упоминания их персон в родословных книгах Греи. Эдвульф и его жена Эдда не были знамениты ни боевыми походами, ни выдающимися успехами в развитии города или торговли; они слыли добрыми, но несчастными людьми. У них было двенадцать детей, и почти все умерли в возрасте до трех лет от страшных болезней, которые либо были с ними с рождения, либо возникли вскоре после него. До отрочества дожили лишь трое: Эвеард, его старший брат Адриан и младшая сестра Агнесс. Традиция потомков Уинфреда давать детям имена на букву «э» началась именно с него, но, по какой-то причине, не считая будущего короля Греи, все дети Эдды и Эдвульфа явились живой демонстрацией их протеста. Суеверная толпа была уверена, что своим неуважением к традициям королевская чета разгневала богов, и потому те забрали их детей себе, однако причина, вероятнее всего, заключалась в родственной связи супругов.

Влюбленные были кузенами. Их не поженили бы, если бы не округлившийся живот юной Эдды, на коленях молившей прощения у отца. Они приняли гнев богов с достоинством и были счастливы хотя бы потому, что их первенец Адриан рос здоровым и смышленным, а Эвеард — достойной ему сменой. После смерти короля Эдвульфа Адриан отказался от престола, предпочтя славе